

— Ты уже давно в резиденции, а ни одной бабенки себе не завел. С таким лицом, как у тебя, о чем переживать? Если бы ты их уложил на кровать и показал, что у тебя есть, разве не стали бы они поклоняться тебе, как Нефритовому Императору? — Цзян Жули и окружающие его распутницы рассмеялись.

— Не шути так! Не боишься, что обидишь Резиденцию Ли и лишишься головы? Сегодня не будем говорить о Резиденции Ли. Сегодня мы поздравляем брата Сиюня. — Это говорил Дин Чжунчоу, слонявшийся на ковре с яркими пионами. Его дед когда-то был наставником наследного принца, но сейчас он, казалось, забыл все, чему его учили. — По мне, так женщины в Резиденции Ли ничем не лучше здешних сестричек, — продолжал Дин, беря в руки нежную руку, похожую на весенний бамбук, что вызвало смех среди распутниц.

Сяо Чжоухэн поднял голову, огляделся вокруг, но среди этой толпы мужчин и женщин не увидел последнего из Трех героев Цзиньлина. Он спросил:

— Почему Юйсина не видно?

Цзян Жули ответил:

— Он уехал преподавать цинь в Академию Интянь, сегодня он занят.

Сяо Чжоухэн удивился:

— Он только что вернулся из путешествия и уже нашел работу? Значит, он остается?

— Не знаю, — вмешался Дин Чжунчоу. — Мне тоже интересно, хотел сегодня спросить его, но он прислал сообщение, что не сможет прийти.

Хуанфу Чу, именуемый Юйсином, был мастером музыки, искусным циньши, человеком с рыцарским духом, любившим путешествовать. Он был знаменитым циньши не только в Цзиньлине, но и во всех восьми управлениях Цзяннани.

Пока они разговаривали, Инь Цзючу вошел в комнату и передал Сяо Чжоухэну аккуратный сверток.

— Все здесь, посмотри, так ли.

Сяо Чжоухэн развернул сверток, внутри лежали несколько потрепанных книг, но видно было, что углы аккуратно выровнены, чтобы сохранить их в наилучшем виде.

— Спасибо тебе. — Сяо Чжоухэн перелистал книги, снова завернул их и, улыбнувшись Инь Цзючу, передал ему записку. — Это на следующий месяц, спасибо за хлопоты.

Инь Цзючу ответил:

— Зачем так церемониться между нами?

Сяо Чжоухэн тоже улыбнулся, взял перед Инь Цзючу чашу с вином, наполнил ее и протянул ему:

— Ты прав.

Инь Цзючу поднял брови, взял чашу, и его тонкие пальцы едва коснулись тыльной стороны руки Сяо Чжоухэна. От этого прикосновения Сяо Чжоухэн почувствовал, как лицо его

загорается, и поспешно отдернул руку. Инь Цзючу медленно произнес:

— В этом мире только я так отношусь к тебе, а ты так ко мне, да?

Последние слова звучали так соблазнительно, что Сяо Чжоухэн почувствовал, как лицо его горит. Он не знал, что ответить, как вдруг Дин Чжунчоу вмешался:

— Сиюнь, дата уже назначена?

— Конечно. — Инь Цзючу отвел взгляд от Сяо Чжоухэна, на лице его была неподдельная радость. — Пятнадцатого числа следующего месяца.

— Не думал, что из нас пятерых первым женится Сиюнь. Неожиданно, — сказал Цзян Жули. — Счастливым день, совпадает с Серединой Осени, и свадебная ночь тоже, как раз кстати.

— Да, специально выбрал удачный день. — Инь Цзючу замолчал, затем добавил:

— Цзянцзюе, что ты говоришь о женитьбе? У тебя разве не было наложниц?

— Эй, Сиюнь, разве можно сравнивать жену и наложниц? — Цзян Жули засунул руку в декольте одной из распутниц, сильно сжал, и та вскрикнула. — Эти наложницы даже близко не стоят к нашим сестричкам по мастерству.

— Тогда я, конечно, подарю тебе что-то особенное. — Дин Чжунчоу взял в рот сладость, поданную ему одной из девушек, и говорил слегка невнятно. — Ты предпочитаешь корейских танцовщиц или персидских кошечек?

— Хвастун, — усмехнулся Инь Цзючу. — Больше всего мне нравится та наложница, которую твой отец взял в прошлом месяце.

Сяо Чжоухэн тоже смеялся, но в душе был в смятении. Он пил одну чашу за другой, и даже распутница, наливавшая ему вино, не выдержала:

— Господин Цзюэянь, пейте помедленнее.

Сяо Чжоухэн чувствовал, что сегодняшнее вино было особенно крепким. После нескольких чаш все вокруг начало плыть перед глазами.

— Почему сегодня вино такое хорошее? — Сяо Чжоухэн сделал еще один глоток и почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза. — Вы что, подкупили мамашу из Шуйяньмэй?

— Чепуха! Разве в таком месте может быть хорошее вино? Это Цзюцзе украл у своего отца! — Цзян Жули поднял подбородок, и от вина голос его стал громче.

— О, обычно, когда мы выходим, ты не приносишь вина, а теперь, когда Сиюнь женится, ты решил поделиться. Настоящий скряга.

— Ну, просто жалко, что Сиюнь теперь будет под каблуком у жены.

Они смеялись и шутили, но Сяо Чжоухэн чувствовал, как на него смотрит Инь Цзючу. Его взгляд был таким горячим, что Сяо Чжоухэн боялся повернуть голову. Они были так близко, но казалось, что между ними лежит целая пропасть.

Да, он женится.

Какое это имеет отношение к нему?

Все эти годы его странные намеки, едва уловимые чувства.

В конце концов, все это было лишь его собственной игрой.

Незаметно на щеках появились слезы. Сяо Чжоухэн поднял голову и посмотрел в окно. Уже стемнело, и он вспомнил, что перед уходом Бехун сказала, что шестой молодой господин Ли Юньи вернется в резиденцию сегодня вечером. Вино мгновенно выветрилось из головы. Он, посторонний, не имел права присутствовать на пиру, но Ли Юньи всегда обращался с ним как с почетным гостем.

Сяо Чжоухэн поспешно вытер лицо, встал, попрощался с друзьями, надел верхнюю одежду, взял сверток Инь Цзючу и уже собирался уйти, как Инь Цзючу схватил его за рукав:

— Я провожу тебя.

Сяо Чжоухэн кивнул, и они вместе спустились вниз. Слуга подвел лошадь, но они молчали, и атмосфера была неловкой. Сяо Чжоухэн взялся за седло и обернулся:

— Возвращайся, я поехал.

— Шутин, мне нужно кое-что сказать. — Внезапно произнес Инь Цзючу. Сяо Чжоухэн не ответил, глядя на Инь Цзючу в тусклом свете. Тот человек, который был с ним всю его юность, дал знак продолжать. Инь Цзючу тихо сказал:

— Прости, Шутин, насчет того обещания... Ты же знаешь, как я хотел, чтобы мы могли наслаждаться музыкой и вином, облаками и луной... Но...

— Я понимаю, обещания, данные в детстве, не в счет. — Сяо Чжоухэн поднял руку, прерывая Инь Цзючу, и покачал головой.

Инь Цзючу увидел в его глазах грусть и почувствовал вину. Ему захотелось взять его за руку, но в последний момент он сдался, лишь сжал руку в кулак и не протянул ее.

— Сиюнь, это последний раз, когда я буду тебя беспокоить с книгами. Ты женишься, дел много, не стоит бегать повсюду.

Инь Цзючу осторожно спросил:

— Ты придешь на свадьбу?

— О чем ты? Мы знакомы столько лет, конечно, приду, подарок не забуду. — Сяо Чжоухэн сел на лошадь. — Ты что, боишься, что я сбегу?

Инь Цзючу рассмеялся:

— Если сбежишь, я всю землю перерою, чтобы найти тебя.

Сяо Чжоухэн помахал рукой, оставив фразу «как скажешь», и, дернув поводья, уехал из Шуйяньмэй.

Покинув это место, Сяо Чжоухэн поспешил вперед, ощущая, как осенний вечерний ветер пронизывает до костей, а глаза стали сухими и жгучими.

Эти давно порванные детские чувства, зачем он теперь обманывает себя и скорбит?

В конце концов, он и он — это лишь отражение в воде, образ в зеркале. Почему он не может это понять?

Десять лет прошло, ждатель ли очищения реки? Как это исполнить?

Небо потемнело, вдали у ворот Резиденции Ли зажглись фонари. Видимо, Ли Юньи вернулся.

Ли Юньи служил чиновником в Управлении военных дел, отвечал за контроль над лошадьми и провизией в Цзяннани и Цзянбэе. Звание звучало внушительно, но должность была скорее номинальной. В обычные дни он просто инспектировал доклады и передавал их старшему чиновнику. Когда не было инспекций, Ли Юньи оставался в резиденции, занимаясь делами, спокойно и уверенно, казалось, он был единственным из сыновей Ли Яньцина, кто мог унаследовать титул генерала.

Войдя внутрь, Сяо Чжоухэн огляделся. Служанки суетились, он увидел нескольких детей из Резиденции Ли, но ни Ли Юньи, ни Ли Чжуннаня не было видно.

Он отнес книги в комнату, аккуратно уложил их и вышел, чтобы спросить. Ему сказали, что Ли Юньи находится в Беседке Саньцю, слушая музыку. Сяо Чжоухэн решил пойти к нему и извиниться, так как он вернулся позже, чем следовало. По пути он ругал себя за то, что задержался с Инь Цзючу, и думал, что сказать, как вдруг на повороте коридора столкнулся с темной фигурой.

<http://bllate.org/book/16134/1444358>